

Прочитав статью, Андреев отмечает: «...мой пессимизм не подходит ни под одну из рубрик, на которые Гартман делит пессимизм. Мой будет поинтереснее и поотчаяннее».³⁶ Юному мыслителю явно не понравилось стремление немецкого философа свое в целом экстремальное мировиденье привести в гармонию с гуманитарной нормой, с ситуацией обыденного существования и т. п. Именно эта точка «несхождения» с Гартманом определит в дальнейшем позицию Андреева-писателя, которая будет сближаться скорее с экзистенциалистскими парадигмами «пограничного существования» и «философии отчаяния». Но книга Гартмана оказалась в ряду других факторов, влиявших на создание им теории «театра панпсихизма», а также определила некоторые моменты поэтики писателя, в частности — особенности его праэкспрессионистской метафористики. Но об этом — в следующей статье, раскрывающей переключки между немецким философом и русским писателем.

³⁶ Андреев Л. Н. Дневник. Часть вторая. II. 1890 года 3 июля — 18 февраля 1891 года // РАЛ. MS 606/Е2. Л. 38.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-64-70

© В. Н. БЫСТРОВ

**«...НАПИСАНА ЭТА ШТУКА
В ОДИН ПОЧТИ ЧТО ПРИСЕСТ, НАЧИСТО...»:
ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАССКАЗА Л. Н. АНДРЕЕВА
«В ПОДВАЛЕ»**

«В подвале» — один из сравнительно немногих ранних рассказов Леонида Андреева, замысел и исполнение которых видоизменялись на разных этапах создания. Основным текстом произведения принято считать публикацию в первом томе авторитетного Полного собрания сочинений Андреева 1913 года.¹

Первоначальная редакция рассказа относится к октябрю 1899 года. Не исключено, что это был лишь эскиз, зафиксировавший некий исходный сюжет. Однако данный текст можно рассматривать и в качестве самостоятельного произведения. В данной версии в центре повествования — судьба молодой женщины, оказавшейся с грудным ребенком на руках в трудной ситуации. Приведем по последнему слою правки этот рукописный текст, хранящийся в библиотеке Русского архива в Лидсе (Leeds Russian Archive (далее — РАЛ):

В ПОДВАЛЕ

В этот день, в субботу, мороз был такой сильный, что гимназисты не ходили учиться и конские бега были перенесены на другой день, так как представлялась опасность заморозить и простудить дорогих лошадей. Когда Елизавета Владимировна вышла из воспитательного дома, она в первую минуту была рада, что уже вечер, что на набережной никого нет и что никто не встретит ее, девушку, с шестидневным ребенком на руках. Ей казалось, что как только переступит она ворота, ее встретит гамом и свистом целая толпа, в которой будет

¹ Андреев Л. Н. Полн. собр. соч.: [В 8 т.]. СПб., 1913. Т. 1. С. 153–162. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

и отец ее, слюнявый, параличный и как будто совсем безглазый — так глубоко провалились его едкие глаза, — и знакомые студенты, офицера и барышни. И все они будут показывать на нее пальцами и кричать: вот девушка, которая окончила шесть классов гимназии, которая имела знакомых студентов, умных и благородных, краснела от неловко сказанного слова и которая шесть дней тому назад родила ребенка в Воспитательном доме.

Но набережная была пуста и ветер свободно пролетал по ней, заноса мелким снегом углубления и ласково обвивая металлические столбы решетки, такие же холодные и одинокие, как и он сам. На девушке была коротенькая кофточка, та самая, в которой она обыкновенно каталась на коньках и которую надела впопыхах, уходя из дому и уже начиная страдать родовыми болями. И когда ветер обнял ее, он уничтожил страх толпы и наполнил сознанием оторванности от мира людей, как будто она была одним из этих тускло блиставших металлических столбиков, вечно неподвижных, немых и холодных. И чудилось, будто по всему миру, страшно большому и холодному, носится леденящий ветер и нигде нет ни тепла, ни солнца, ни людей. Но у груди девушки трепетала другая, еще более жалкая и беспомощная жизнь, чем ее — и Е<лизавета> В<ладимировна> тронулась в путь. Она не любила в эту минуту ни ребенка, ни себя, и жизнь обоих казалась ненужною; она не знала, куда идет, но ее толкали вперед слова, не мысль, а слова, которые как будто произносил кто над ее ухом:

— Татарская улица, дом Немчинова, второй от угла.

Эти слова она твердила лежа в постели и кормя ребенка. Они значили, что нужно идти на , где живет ее молочная сестра,² проститутка, потому что только у нее одной, и больше ни у кого, может она найти приют для себя и ребенка. Теперь она забыла значение слов, но они звучали над ней и безошибочно вели ее — через мост, на котором ветер был не равнодушно холодный, а злой и гневливый, по каким-то темным переулкам, где ветер, забегая вперед, караулил ее у углов. Потом она говорила с кем-то закутанным, бесформенным, огромным, шла по двору, где ноги ее утопали в сугробах сухого снега, исчезала в темных тоннелях под большим домом, горевшем огнями, и спускалась в какой-то колодец, с обледеневшими ступенями, такими скользкими, что она чуть не упала. Она только раз была здесь, когда Надя, так звали ее молочную сестру, была больна и прислала ей жалобное письмо, прося помощи и денег. И в полузамерзлой голове Е<лизаветы> В<ладимировны>, в которой не было ни одной мысли, смутно мелькнуло удивление, что она уже пришла и что сумела без посторонней помощи найти дом, в котором она была только раз и который находился в совершенно незнакомой ей части города. И двери, в которые она постучала, были те самые, какие нужно, и это она узнала по старухе, отворившей их. Тогда она запомнила старуху, потому что она напомнила ей сказочную ведьму, и была такая она маленькая, худая, вся серая, как ночная птица. И, вероятно, старуха была глуха, так как Е<лизавета> В<ладимировна> два раза спросила ее, не получая ответа:

— Здесь живет Надежда Ивановна?

Маленькая лампочка давала тусклый свет, но старуха успела рассмотреть дорогое платье, кофточку, хотя легкую, но опушенную мехом, и неподвижный сверток в руках.

— Тут много всяких Надежд Ивановн, — ответила наконец она, и голос ее был глухой, отрывистый и сердитый.

Е<лизавета> В<ладимировна> назвала фамилию, потом описала наружность и, наконец, усталая, почти теряющая сознание, сказала:

² *Было*: ее гимназическая подруга,

— Господи, да помните — еще она была больная, а я приезжала к ней. Я сяду... можно?

И она села на лавку у двери, а старуха вспомнила наконец Н<адежду> И<вановну>, которая была больна и к которой приезжала богатая, полная, веселая барышня, но только та была совсем не похожа на эту, замерзшую и худую.

— Знаю теперь, — сказала старуха. — Только она уж давно, еще осенью сошла от меня.

Е<лизавета> В<ладимировна> встала, и большие глаза ее стали еще больше от ужаса.

— Куда ушла? — спросила она шепотом и наклонившись к самому лицу старухи. — Совсем ушла?

Старуха отодвинулась и ответила:

— А я почем знаю, куда. Разве они мне сказываются. Сошла и сошла. В адресном справьтесь, там прописано.

— В адресном?

— Ну ж я и говорю, в адресном.

Е<лизавета> В<ладимировна> молчала; молчала и старуха. Дрожь от холода охватила всё тело Е<лизаветы> В<ладимировны> и передалась свертку.

— Так... я пойду, — сказала она, сдерживая зубы, чтобы не застучать ими. — Правда, можно справиться... в адресном. Прощайте.

Старуха не ответила.

— Так я пойду, — сказала еще раз Е<лизавета> В<ладимировна> и улыбнулась. — Вы извините меня, что я... обеспокоила вас.

— Ничего, какое беспокойство, — примирительно ответила старуха, недоумевая. И этот ответ, с слабым намеком на участие, сломил Е<лизавету> В<ладимировну>. Дрожа как в лихорадке, сверкая глазами, она сделала шаг к хозяйке и быстрым движением протянула к ней сверток.

— Натя его. Натя. — Рыдание, похожее на глубокий вздох, вырвалось и замерло. — А я, я уж пойду.

И в жалком мозгу ее, стоявшем на грани безумия, встали все пройденные улицы и переулки, и ночь, черная, холодная, как бесконечность, и ветер, и холод. И ясно было, что то, куда она пойдет, есть смерть, и хотелось смерти быстрой, могучей, умиротворяющей».³

В тексте РАЛ имя героини — Елизавета Владимировна (в основном тексте — Наталья Владимировна). Лишь намеками обозначены какие-то контуры ее биографии. Молочную сестру Елизаветы зовут Надежда Ивановна (в основном тексте — Катя Нечаева).

Когда через два года Андреев вновь обратился к рассказу, он кардинально переработал его: в соответствии с новым замыслом изменились объем, сюжет, структура (двухчастное строение), система образов и т. д. Первоначальная редакция послужила лишь небольшой частью фабулы основной редакции. Резко увеличился смысловой диапазон рассказа. Центральным персонажем стал оказавшийся на «дне» Хижняков, появились другие герои, обитатели подвала (проститутка Дуняша, вор Абрам Петрович, вместо безликой старухи — хозяйка подвального убежища Матрена); судьба несчастной юной матери отошла на второй план.

Новая версия появилась, вероятнее всего, в декабре 1901 года, при подготовке первой публикации в газете «Курьер».⁴ Она нашла отражение в руко-

³ РАЛ. MS 606/A2. Л. 98–102. Текст рукописи предоставлен Р. Дэвисом, директором Русского архива в Лидсе.

⁴ Курьер. 1901. 25 дек. № 356. С. 2–3.

писи (черновой автограф), хранящейся в РГАЛИ.⁵ Текст данного источника разительно отличается от основного множеством разночтений. Кропотливая работа шла над стилистической шлифовкой текста, уточнением художественных образов и деталей, усилением их экспрессии. К примеру, в рукописи в эпизоде, когда Дуняша зашла в каморку к Хижнякову, она «*села рядом на постель...*»;⁶ в основном тексте: «...села рядом с ним, притиснув его к стене...» (1, 156); в начале второй главки при описании состояния измученной холодовой героини было: «*Две теплые слезинки навернулись на глазах*»; в основном тексте: «Две горячие слезинки навернулись на глазах и застудили» (1, 158); на мосту ветер «*стал хищно бросаться к ней на грудь и не пускать*»; в основном тексте: «хищно бросился к ней на грудь и железными когтями впился в холодное лицо» (1, 159); значительно изменен был эпизод, когда героиня узнала о смерти Кати; в рукописи: «*Потом опять долгое молчание, тихий долгий плач и сердитый голос Матрены: — Да ведь вы его <ребенка. — В. Б.> чуть не задушили*»; в основном тексте: «Потом опять долгое молчание и тихий плач, прерывистый и безнадежный. Была в нем смертельная усталость и черное, беспросветное отчаяние.словно чья-то утомленная рука бессильно водила по туго натянутой струне, и струна эта была последней на дорогом инструменте, и когда она разорвется — навсегда угаснет нежный и печальный звук.

Да ведь вы его чуть не задушили! — грубо и сердито вскрикнула Матрена» и т. д. (1, 159).

Существенно иным был финал рассказа: абзац со слов «Пришла ночь...» до фразы «И во многих сердцах потушила она слабые тлеющие искры» (1, 161) в рукописи отсутствовал; радикально отличалась первоначальная концовка; ср. в черновом автографе РГАЛИ: «*Хижняков потушил у себя лампу и улегся спать, набросав на себя всякого тряпья. И когда кругом стало тихо, он заплакал и подумал, глотая слезы:*

— А я давно не плакал.

И задумался, отчего, и не нашел. И ответил:

— Так.

Слезы лились, обильные, счастливые, и, намокая, сырела от них подушка. А у изголовья уже усаживалась хищная смерть, слепая днем и зоркая в темные ночи, и ждала спокойно, терпеливо и настойчиво. Определение смерти «слепая днем и зоркая в темные ночи», фигурирующее в начале, Андреев не стал повторять в финале основного текста.

Очевидно, что была и представленная в редакцию газеты наборная рукопись с правкой, но она до нас не дошла. Ознакомившись с рассказом в «Курьере», М. Горький нашел, что он был написан наспех, и посоветовал автору: «Не пиши так торопливо, как написал „В подвале“». ⁷ Как оказалось, и Андреев не удовлетворял текст первой публикации. Намереваясь включить «В подвале» во 2-е издание сборника «Рассказы» (1902), он писал Горькому 30 декабря 1901 года: «Добавить книжку думаю рассказами: „Набат“, „В подвале“ (слегка переработавши, ибо написана эта штука в один почти что присест, начисто, с усталой башкой)...» ⁸ Рукописные материалы показывают, что рассказ не был создан «в один почти что присест, начисто». Дорабатывать Андреев собирался, видимо, текст «Курьера». Однако затем отказался от этого намерения, о чем свидетельствует его письмо к К. П. Пятницкому от 7 января 1902 года: «Так плохо чувствую себя, что не в силах, как намеревался, переделать

⁵ РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 10.

⁶ Текст чернового автографа РГАЛИ здесь и далее выделен курсивом.

⁷ Переписка Горького и Андреева / Комм. В. Н. Чувакова // М. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С. 123 (Лит. наследство; т. 72).

⁸ Там же. С. 126.

рассказ „В подвале“». ⁹ В письме к нему же от 10 февраля 1902 года Андреев обратился с просьбой: «Если корректуру получить поздно, то нельзя ли Вам собственноручно в рассказе „В подвале“ исправить беленькое плечико ребенка на розовенькое». ¹⁰ Пятницкий исполнил поручение автора, внося исправление: «...к этому алевшему плечику» вместо «...к этому белому плечику». ¹¹ Примечательно, что в последующих публикациях текст «Курьера» воспроизводился без изменений, ¹² лишь при подготовке Полного собрания сочинений было внесено несколько мелких поправок. Таким образом, к мысли о небольшой переработке рассказа Андреев больше не возвращался.

* * *

Образ главного героя, Хижнякова, отчасти автобиографичен, навеян воспоминаниями Андреева о тяжелых, мрачных днях собственной жизни. Так, в письме к А. М. Велигорской от 21 июля 1901 года он признавался: «Как темна и печальна была моя жизнь! Сзади меня стояли годы, мучительные годы, проведенные в пьянстве со всеми его ужасами и унижительностью, во лжи, в напрасных порываниях к чему-то светлому; впереди ждало одиночество, болезнь, страшная смерть или в пьяной драке, или с похмелья, под ледяным компрессом, с трясущимися руками и опухшим лицом. <...> Как часто ночью, потушив огонь, закрыв двери, прижавшись в угол дивана, я прятался от того страшного и бессмысленного, что есть жизнь — но вместе с бессонницей и вместе со сном приходило оно. Как страшны и печальны были тогдашние мои сны! В них преследование, ненависть, пустые залы, по которым я убегаю от чего-то ужасного, а оно гонится за мною и топает ногами, одиночество и страх, страх!» ¹³

Не случайно критик кн. Н. Д. Урусов, касаясь рассказа, прежде всего обратился к образу Хижнякова в связи с темой страха человека перед одиночеством, перед жизнью и смертью: «Рисую портреты одиноких людей, освещая их жизнь различными художественными подробностями, г. Андреев, конечно, обращает большое внимание на болезненную слабость воли, на бессилие этих людей во всех их стремлениях и указывает на свойственную им боязнь жизни и смерти. / Ни в одном из его рассказов с такою точностью не проводится этот взгляд, как в рассказе „В подвале“. / Центральная фигура — Хижняков, человек образованный, слабый, одинокий, живущий в сыром подвале в соседстве с ворами и проституткой. Он боится жизни. <...> Таково существование этого бывшего человека, созданное из двух слагаемых: из страха жизни и страха смерти». ¹⁴ О значимости этой темы в рассказе писали позднее, в частности, критики Н. Я. Абрамович и К. И. Арабажин. ¹⁵

Если в первоначальной редакции образ младенца в рассказе никак не проявлен, то в окончательной ему отводится существенная роль. Он — символ светлого начала, противостоящего темной, грязной, уродливой действительности. Некоторые критики подчеркивали мысль о неистребимости и обаянии

⁹ Цит. по: Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 611 (комм. В. Н. Чувакова).

¹⁰ Там же.

¹¹ Подобную же правку Андреев сделал в другой фразе при подготовке текста к печати: «...маленькое розовое тельце» вместо «...маленькое белое тельце».

¹² Андреев Л. Н. 1) В подвале. СПб., 1906 (Дешевая библиотека товарищества «Знание»; № 56); 2) Собр. соч.: [В 13 т.]. СПб.: Просвещение, 1911. Т. 3. С. 115–130.

¹³ Андреев Л. Письма к невесте (Из неизданной переписки) / Вступ. статья и прим. Л. Иезуитовой; предисловие В. Андреева // Звезда. 1968. № 1. С. 195.

¹⁴ Урусов Н. Д., кн. Бессильные люди в изображении Леонида Андреева. Критический этюд. СПб., 1903. С. 35, 36.

¹⁵ См.: Абрамович Н. Я. Литературно-критические очерки. Кн. 1. СПб., 1909. С. 265; Арабажин К. И. Леонид Андреев. Итоги творчества. СПб., 1910. С. 203.

истинной жизни, олицетворением которой стал младенец; эта жизнь, резко контрастирующая с неприглядным бытом, озаряет самые темные углы, самые черствые души. Вл. Кранихфельд, между прочим, отмечал: «Тяжелое настроение господствует в подвале, в котором приютились рядом проститутка, вор и „он“, выброшенный за борт жизни и доживающий в подвале свои последние, одинокие дни. <...> И вот в этой-то обстановке подвала неожиданно появился младенец, чужой, случайно принесенный сюда молодой матерью, такою же бесприютною и одинокою, как и все остальные обитатели подвала. Появление младенца как-то вдруг осветило мрачные стены подвала».¹⁶

Критик И. Баранов, отметивший, что в рассказе «сочетается правдивый реализм с символизмом», так интерпретировал его содержание: «Главный герой очерка, Хижняков, — тип бывшего человека: разбитый, деморализованный, он заживо похоронен в подвале, служащем убежищем для проститутки и воров. <...> Изображая душевное состояние Хижнякова во время его пребывания в подвале, г. Андреев выводит такие густые черные узоры, очерчивающие бездонные провалы погибшей человеческой души, что нас невольно охватывает сильное непреодолимое чувство боли. <...> И вот этот-то выдохшийся пьяница вдруг видит в своем грязном, зловонном подвале чистое, розовенькое шестидневное дитя. Это гораздо больше, нежели восковой ангелочек».¹⁷

Тему внезапного, пусть кратковременного, единения, солидарности заблудших людей в рассказе развивал К. Чуковский: «Быт, различие психологий, образования, ума — всё это ненужная иллюзия, — как вот говорит Андреев. И рассказывает о том, как эта иллюзия исчезает, как она рассыпается в пыль, когда выступает <...> то, что за бытом, за различием психологий, и все люди объединяются в одной общей душе. В подвал принесли ребенка, и он на мгновение открыл всем какую-то великую тайну, сомкнул всех, разных, воедино. <...> Все они в эту минуту абстрагировались, отвлеклись от самих себя, как от чего-то случайного и временного, — и первобытный источник бытия мгновенно прорвался наружу, — но еще немного, и они опять войдут в свою оболочку, опять разъединятся, и снова появится одинокий Хижняков, развратная Дуняша, наглый вор Абрам Петрович, — снова померкнет для Андреева истина, и начнется скучная и неинтересная жизнь каждого *отдельного* человека».¹⁸ Да, конечно, ни автор, ни герои не питают никаких иллюзий: всё вернется на круги своя. Но Андрееву важны эти краткие миги «вечеловечения» падших людей...

История рассказа получила несколько неожиданное продолжение в середине 1910-х годов. В конце 1915 года вышла на экраны мелодраматическая «фильма», называвшаяся в прокате «Трагедия женских переживаний» (другое название — «Ты мне больше не дочь!»). Сценарий кинопьесы в 4 частях «История одной девушки» написал сам Л. Андреев. Сердцевиной его сюжета и послужил рассказ «В подвале». В сценарии более подробно прослежена, детализирована жизнь героини. Наташа Лукина встретилась на катке с неким Борисом Курихиным. Завязалось знакомство. Однажды Борис заманил

¹⁶ Кранихфельд Вл. Леонид Андреев и его критики // Образование. 1902. № 10. Отд. III. С. 60. Ср. сходное наблюдение В. Ф. Боцяновского: «Каким в самом деле ярким светом вспыхивает у г. Андреева самое пошлое, самое серенькое существование, как только в него попадет хотя бы даже неопределенный, маленький луч того, чем является чистая настоящая жизнь, хотя бы луч этот был не более как ясная, чистая мечта, намек на что-то высшее. <...> Эта маленькая жизнь, слабая, как огонек в степи, смутно звала их куда-то и что-то обещала красивое, светлое и бессмертное. У одного из этих людей, Хижнякова, появление этого маленького существа вызвало таинственную глубокую радость» (Боцяновский В. Ф. Леонид Андреев. Критико-биографический этюд. СПб., 1903. С. 56–57).

¹⁷ Баранов И. П. Леонид Андреев как художник-психолог и мыслитель. Киев, 1907. С. 21. Нужно отметить, что рассказ нередко сравнивали с рассказом Андреева «Ангелочек» (1899).

¹⁸ Чуковский К. От Чехова до наших дней. СПб., 1908. С. 131–132.

девушку к себе домой и обольстил ее. Узнав о своей беременности, Наташа не сразу призналась родителям. Когда объяснение наконец произошло, разгневанный отец выгнал дочь из дома. После нелегких скитаний она оказалась в родильном приюте. Потом с младенцем на руках Наташа пошла по адресу, подсказанному перед уходом их горничной: ее тетка сдавала в подвале жилье бедным постояльцам. Главное отличие от рассказа — благополучный финал. Обитатели подвала приняли живое участие в судьбе бездомной матери: они уговорили отца простить дочь и вернуть ее в родительский дом. Кроме того, они нашли Курихина и жестоко наказали его. Лента до наших дней не дошла.¹⁹

Киносценарий и картина соответствовали канонам жанра мелодрамы. В них, безусловно, не было того, что составляло содержание рассказа, который повествует о фатально несчастной участи людей, лишь на мгновение ощутивших просветление. Они не в силах изменить свою жизнь, противостоять повседневным бедам и неурядицам. Что ожидало впереди жильцов подвала? Не случайно в финале у изголовься Хижнякова «уже усаживалась бесшумно хищная смерть и ждала — спокойно, терпеливо, настойчиво» (1, 162). Еще в 1897 году Андреев, сокрушаясь, записал в дневнике: «Возмущаются у нас деспотизмом, с криком указывают на жертв бесправия, — дурачье! Вот кто деспот, вот кто наш враг, наш убийца — жизнь проклятая. Как обессилен, как жалок человек!»²⁰

Рассказ «В подвале» — один из примеров того, как начинающий художник постигал искусство обогащения семантики незамысловатого сюжета.

¹⁹ Фабула сценария достаточно подробно была изложена в журнале «Кинематограф» (Пг., 1916. № 3. С. 15). Подробнее об этом см.: *Бабичева Ю. В., Ковалова А. О., Козьменко М. В.* Леонид Андреев и русский кинематограф // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 15. Искусствоведение. 2012. Вып. 4. С. 154–155.

²⁰ *Андреев Л. Н.* Дневник. 1897–1901 гг. / Сост., вступ. статья и комм. М. В. Козьменко. М., 2009. С. 57.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-70-84

ПЕРЕПИСКА Л. Н. АНДРЕЕВА И И. И. ЯСИНСКОГО

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. С. АЛЕКСАНДРОВА)

Иероним Иеронимович Ясинский (1850–1931), известный в начале XX века прозаик и журналист, одним из первых восторженно встретил вхождение Леонида Андреева в литературу, смело заявив в развернутой рецензии на дебютную книгу писателя о том, что на литературном небосводе «взошла новая звезда», «вспыхнула ярким серебристым светом над самым горизонтом и пронизала мглу Петербургского утра своими прекрасными и загадочными лучами». ¹ Рецензия произвела большое впечатление на молодого автора и стала фундаментом завязавшихся спустя некоторое время отношений.

Творческие и личные взаимоотношения Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского, претерпевшие эволюцию от неприятия до дружбы, еще не становились предметом отдельного исследования. В научный оборот не введена также пе-

¹ *Чунов М.* [Ясинский И. И.]. Невысказанное // Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 378.